

14. *Порембский Б. М.* Указ. соч. С. 263.
15. *Порембский Б. М.* Указ. соч. С. 264.
16. Там же. С. 270.
17. Там же. С. 271.
18. *Ачкасов В. И.* [и др.]. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. 4-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1988. С. 441.
19. *Порембский Б. М.* Указ. соч. С. 280.
20. *Сосин В. В.* История военно-морской медицины русского и советского Военно-Морского Флота. Л. : ВМОЛКА им. С. М. Кирова, 1989. С. 121–122.
21. *Григоренко Г. Ф.* Указ. соч. С. 60.
22. *Лекарь И. Г.* Указ. соч. С. 453.
23. Там же. С. 454.
24. *Григоренко Г. Ф.* Указ. соч. С. 63.
25. *Порембский Б. М.* Указ. соч. С. 278.
26. Там же. С. 277–279.
27. *Шишкин А. А.* Морская медицинская эвакуация на Дальневосточном театре // Медицинская служба Военно-Морских Сил СССР... Т. II. Вып. 2. С. 402.
28. *Шишкин А. А.* Там же. С. 403.
29. Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооружённых Сил: Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 392.
30. *Сосин В. В.* История отечественной военно-морской медицины в датах и фактах. СПб. : ВММ МО РФ, 1996. С. 215.

Петропавловску-Камчатскому – 275 лет

С. И. Вахрин КАК ЕЛАГИНЫ И ОВЦЫНЫ СВОЙ ГОРОД ЗАЩИЩАЛИ

Объявить Камчадалам, вооружившимся для защиты края, во время последней войны, благоволение Его Величества.

Для справки: Иван Фомич Елагин и Дмитрий Леонтьевич Овцын – русские офицеры, участники Второй Камчатской экспедиции 1741–1742 гг., Елагины и Овцыны, о которых идет речь в этом очерке, – потомки камчадалов, аборигенов Камчатки, получившие при крещении имена своих крестных отцов.

Совсем еще недавно (летом 2014 г.) вышли в свет мои книги – двухтомник «Тайны камчатских имен» (4), в котором я частично касался этой темы, и – в соавторстве – сборник «Защитники Петропавловска (1854–1855 гг.)» (5), который уже целиком был посвящен 160-летию героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в годы Крымской войны, с моими историческими очерками о рядовых участниках этих событий – жителях самой Камчатки (матросах 47-го Камчатского флотского экипажа, солдатах Камчатской казачьей команды, камчатских волонтерах). Открылось множество новых имен, ранее мало или совсем не известных историкам, участников обороны.

Но, как выясняется сегодня, это была всего лишь малая толика имен, которые проходят по спискам награжденных серебряной или бронзовой медалью «За усердие» в память об участии в обороне Петропавловского порта, утвержденных высочайшим рескриптом.

Ирина Вячеславовна Осадчая, сотрудница Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), обнаружила по моей просьбе новые списки имен, которые касаются гражданского, а не военного населения Камчатки, принявшего участие в судьбе Петропавловского порта и награжденного этой медалью либо на Георгиевской ленте (как непосредственные участники боевых событий), либо на Андреевской ленте (как участники событий, связанных с обороной Петропавловска или эвакуацией его военного гарнизона).

Обнаружены и некоторые новые документы, проливающие свет на события тех лет (3).

27 апреля 1855 г. из Морского министерства за номером 234 отправлено письмо «О награде серебряными медалями “За усердие” на Георгиевской ленте Неженского грека Попова и Закащика Начикинского селения Пермякова».

И далее по тексту: «Изложение дела. Генерал-Губернатор Восточной Сибири и Командующий войсками в оной расположенными сообщая, кто из волонтеров, участвовавших в защите Петропавловского порта при нападении Англо-французов в Августе 1854 г. заслуживают особенного внимания: Неженский грек Попов и Закащик Начикинского селения Пермяков, из коих первый сделанное ему поручение передавать Командиру Порты известия от офицеров, наблюдавших с сигнального мыса за неприятельскими судами, исполнял отчетливо, и с расторопностью под ядрами и пулями, а последний отличался более других храбростию и стойкостью ходатайствует о награде их серебряными медалями на Георгиевских лентах, для ношения в петлице.

Справка. Из собранных сведений оказалось.

Неженский грек Виктор Попов 22-х лет, состоит на службе Российско-Американской Компании с 1849 года; ныне в должности помощника комиссионера; наград от правительства не полу-

чал; под судом и следствием не состоял; веры Грекороссийской; и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит.

Закащик Начикинского селения Михайло Пермяков 36-ти лет, вероисповедания православного; под судом и следствием не был; на службе состоит с 1849 г., наград не получал; и ни к каким раскольничьим сектам не принадлежит.

Министр Внутренних Дел по сделанному с им сношению, уведомил, что к награде помянутых лиц серебряными медалями препятствий не имеется.

Заклучение Генерал-Адмирала. Вполне разделяя ходатайство Генерал-Лейтенанта Муравьева, я полагаю бы Неженского Грека Попова и Закащика Начикинского селения Михаила Егорова Пермякова наградить серебряными медалями и надписью за усердие на Георгиевской ленте для ношения в петлице, о чем и имею честь представить на благоусмотрение Сибирского Комитета.

Подписали Генерал-Адмирал Константин и дежурный Генерал Граф Гейден».

Вот так высокая награда нашла своих камчатских героев.

Второго декабря 1856 г. из Морского министерства за номером 24 747 было направлено письмо генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву «По Высочайшему повелению. О награде камчадалов медалями и изъявлениями Монаршего благоволения».

В письме, подписанном Генерал-Адмиралом и Директором Морского министерства Константином и Свиты Его Величества Контр-Адмиралом Н. Краббе, сообщалось: «Бывший Камчатский Военный Губернатор, Контр-Адмирал Завойко донес мне, что по приходе в 1854 году неприятельской эскадры к Петропавловскому порту, в тот же день из ближайших селений явилось к нему 25-ть человек Камчадалов с винтовками, с изъявлением готовности защищать порт от неприятеля; на другой же год, по приглашению его, Контр-Адмирала Завойки, собралось Камчадалов, для той же цели 250 человек, которые по случаю перенесения порта на Амур, были употреблены для переноски из порта в окрестности всего того имущества и провианта, которые не вместились на суда, чрез что неприятелю не досталось ничего.

По Всеподданнейшему Моему докладу, Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть:

1., Объявить Камчадалам, вооружившимся для защиты края, во время последней войны, благоволение Его Величества.

и 2., Тем из них, которые участвовали в бою, наградить медалями, установленными в память минувшей войны, на Георгиевской ленте. Остальным дать те же медали на Андреевской ленте.

Монаршую волю сию сообщаю Вашему Превосходительству, присовокупляя, что об оной вместе с сим мною поставлен в известность и Министр Внутренних Дел.

Медали же Вам будут доставлены от Инспекторского Департамента Морского Министерства».

То есть камчадалы (коренные жители и русские старожилы Камчатки) в 1855 г., когда военные покинули Петропавловский порт, были единственной реальной военной силой, которая могла противостоять англо-французам в том случае, если бы они решили покорить Камчатку. Точно так же произошло и спустя ровно полвека, когда сами камчадалы, как единственная реальная военная сила, встали на защиту Камчатки в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Это были уже дети и внуки ветеранов обороны Петропавловска. К счастью, и эти имена также сохранились в истории Камчатки, как и имена ветеранов Петропавловской обороны, о которых до сегодняшнего дня мы практически ничего не знали.

И теперь остается не менее важное – установить преемственность поколений. Ведь до той поры, пока не установлена родственная связь между прадедами и правнуками, имена героев-прадедов являются чужими для ныне живущих правнуков, и поэтому нам просто необходимо оживить эти имена в памяти нынешнего поколения. . .

Список участников обороны Петропавловского порта, которые отозвались на призыв Завойко и «добровольно явились к защите Петропавловского порта от нападения неприятеля и участвовали в действительном сражении при отражении Англо-Французской Эскадры, нападавшей в Августе месяце 1854 года на Петропавловский Порт», на самом деле включает не 25, а 42 имени с указанием возраста и местожительства камчадалов и русских старожилов – героев Петропавловской обороны.

Этот список уточняется сообщением: «Лица действительно участвовавшие при отражении неприятеля в 1854 г. от Петропавловского порта».

Перечислим их поименно:

«Сын Канцелярского служителя Илья Добрынин (21 год),
Сын почтальона Иван Сметанин (29 лет),
Купеческий сын Михайло Бушуев (24),
Купеческий сын Иван Сахаров (25);

Камчатские мещане (то есть жители Петропавловска и его окрестностей):

Прокопий Иванов (30),
Петр Гарднер (21),
Яков Иванов (23),
Николай Коршунов (63),
Василий Лазарев (32),
Алексей Ворошилов (43),
Осип Ворошилов (46),
Михайло Коршунов (25),
Николай Толман (27),
Николай Косыгин (53),
Охотский (мещанин) Петр Пастухин (25),
Гижигинский (мещанин) Алексей Михалев (52),
Крестьянин Охотский Егор Гаврилов (27);

Отставные унтер-офицеры:

Иван Белокопытов (53),
Семен Хохлов (49),
Василий Скребыкин (53),
Андрей Петров (50),
Семен Матвеев (51),
Николай Грехов (61);

Матросы:

Семен Юшин (57),
Иван Мутовин (52),
Михайло Расторгуев (51),
Павел Черных (59),
Семен Горбунов (45),
Максим Тихонов (47);

Крестьяне:

Петр Мурзин (25),
Меркурий Казаков (22),
Михайло Иванов (36),
Марьяк Семенов (29),
Служитель Российско-Американской компании Петр Перевалов (32),
Вольноотпущенный Федор Козленко (59);

Камчадалы Корякского селения:

Петр Дехтярев (32),
Иван Уваровский (31),
Иван Волков (21);

Начикинского:

Василий Мерлин (48),
Прокопий Гуторов (34),
Иван Табарин (30).

Еще более впечатляющими являются «Сведения о лицах податного состояния Приморской области Восточной Сибири Петропавловского Округа, имеющих право на получение медали в память войны 1853–1856 годов».

Первыми идут «лица, не участвовавшие в сражении, но находившиеся в окрестностях Петропавловского Порта в блокадном положении»:

Крестьяне Авачинского селения:

Козьма Уваровский (38 лет),
Гаврила Явловский (36),
Степан Филиппов (27),
Илья Занин (42),
Степан Тюрюков (38),
Иван Пономарев (26),
Иван Явловский (38),
Егор Игнатъев (46),
Николай Климов (27),
Дмитрий Климов (20);

Старого острога:

Яков Машихин (42),
Степан Машихин (39),
Николай Новгородов (24),
Роман Бурнашев (30),
Александр Бурнашев (26).

(Затем следует запись о других камчадалах: «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшего Камчатского Военного Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения неприятеля в 1855 году и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порта готовые к отражению неприятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и помогали вывозкою казенного имущества».)

Верхне-Камчатского:

Стрателлат Нечаев (25),
Василий Машихин (31),
Николай Зимин (20),
Порфирий Зимин (21),
Егор Машихин (19),
Петр Машихин (30),
Федор Ухов (24);

Мильковского:

Егор Мальцов (44),
Иван Плотников (34),
Антон Плотников (30),
Никифор Михайлов (40),
Глеб Кошкарров (31),
Яков Подкорытов (44),
Евстафий Бобряков (45),
Николай Плотников (25),
Иван Еланцов (29),
Фотий Бобряков (22),
Петр Бобряков (29),
Сидор Борисов (40),
Андреян Пинигин (34),
Ларион Потапов (43),
Григорий Потапов (21),
Петр Бобряков (29),

Ключевского:

Иван Ушаков (43),
Егор Ушаков (38),
Анриан Ушаков (30),
Христофор Ушаков (30),
Федор Ушаков (26),
Иван Кречетов (43),
Илья Кречетов (30),
Иван Чудинов (37),
Никифор Штильников (28),
Януарий Штильников (36),
Аким Ушаков (45),
Сильверст Ушаков (50),
Герасим Рыков (29),
Захар Рыков (25),
Василий Юрьев (28),
Андроник Гольх (32),
Леонтий Ушаков (29),
Евод Докучаев (33),
Николай Чудинов (25),

Нижне-Камчатского:

Захар Греченин (39),
Иван Гусев (29),
Андрей Тарабыкин (34),
Иван Никифоров (26),
Афанасий Помаскин (20),
Анриан Петров (32);

Камчадалы Начикинского селения:

Ермолай Гуторов (31);

Малкинского:

Семен Волков (26),
Роман Волков (30),
Николай Абакумов (31),
Петр Дурынин (21),
Осип Чегликов (25),
Кир Пермяков (22),
Иннокентий Дурынин (41),
Михайло Волков (24),
Петр Абакумов (24),
Алексей Абакумов (41);

Ганальского:

Федор Лукашевский (41),
Иван Елагин (32),
Маргын Шахурдин (41),
Андрей Елагин (39),
Тимофей Елагин (33);

Шеромского:

Артамон Садовников (40),
Василий Панов (25),
Николай (? – неразборчиво) Каменской (20);

Кирганского:

Феоктист Пермяков (21),
Константин Пермяков (44);

Маиурского:

Егор Мерлин (30),
Николай Красильников (32),
Андрей Конев (25);

Щапинского:

Иван Пермяков (38),
Иван Овцын (25),
Николай Овцын (47),
Анриан Овцын (30);

Козыревского:

Герасим Чуркин (30),
Евстафий Метевский (37),
Василий Чуркин (20);

Уиковского:

Захар Жировиков (44),
Роман Варганов (37),
Федор Варганов (31),
Алексей Варганов (27),
Захар Ощепков (21);

Харчинского:

Ефим Чабаев (36),
Семен Клочев (35),
Иван Клочев (29);

Еловского:

Федор Третьяков (37),
Кирик Могилев (28),
Осип Коллегов (37);

Кичигинского:

Касьян Варганов (53),

Корякского:

Николай Елагин (33),
Алексей Дехтерев (30),
Николай Елагин (33),
Гаврила Елагин (22),
Иван Осьминин (29),
Павел Осьминин (19)».

Сегодня мало кому известен и тот факт, что в составе военного гарнизона Петропавловского порта наравне со взрослыми сражались и дети.

О подвиге одного из них рассказал А. П. Сильницкий, найдя документы во Владивостокском портовом архиве: «По случаю малочисленности Петропавловского гарнизона, Завойко был вынужден употреблять на должности кокорщиков кантонистов с десятилетнего возраста. Из числа этих кантонистов один был убит, а другому по имени Матвея Хромовских, одну руку оторвало, а другую ранило. Кантонист Хромовских с удивительной твердостью духа переносил операцию, состоявшую в отнятии правой руки у плеча и мизинца левой руки. Во время тяжелой операции

он, как свидетельствует Завойко, молчал и даже не стонал. Все дети-кокорщики исполняли свои обязанности во время сражения с превосходною расторопностью и были так веселы, что нередко по окончании сражений, тотчас после боя, начинали пускать кораблики. Завойко просил Муравьева довести о таком мужестве мальчиков до сведения Государя и для сохранения в памяти защитников Петропавловска подвигов детей исходатайствовать у Государя какое-нибудь пособие Хромовскому. Десятилетним еще ребенком Хромовский сослужил службу Царю, остался калекой и не мог не только снискать себе пропитание своими трудами, но даже не мог обходиться без посторонней помощи».

Среди новых документов, которые пришли на Камчатку, есть решение от 13 апреля 1855 г. «во исполнение Высочайшей Государя Императора воли» о назначении «пенсии из инвалидного капитала» в размере 22 рубля 86 копеек «кантонисту Хромовскому, как подлежащему ко 2 классу раненых». Дальнейшая судьба ветерана не известна.

В этих архивных материалах мы находим сведения еще об одном возможном участнике обороны Петропавловского порта, который, будучи уроженцем Костромской губернии Юрьевоцкого уезда деревни Ключины, отслужив 20 лет беспорочной службы во флоте и дослужившись до унтер-офицерского звания (боцманмата) в 27-м Амурском (до этого 47-м Камчатском) флотском экипаже, после отставки 1 октября 1856 г. принимает решение поселиться в Петропавловском порту, откуда, вероятно, родом его жена Дарья Николаевна. Это Игнатий Дмитриевич Яблоков. Последнее упоминание об этой фамилии (так как в семье не было сыновей) относится к 1905 г., когда Дарья Николаевна Яблокова, вдова отставного баталера, была еще жива, а дети и внуки ветеранов обороны Петропавловского порта обороняли теперь уже всю Камчатку от японской рыболовной и военной агрессии.

Не удалось нам обнаружить в селении Начики и потомков Михаила Егоровича Пермякова, ратный подвиг которого был отмечен серебряной медалью «За усердие» на Георгиевской ленте. Как ничего нам пока не известно и о судьбе сына канцелярского служителя Ильи Добрынина, который, по всей видимости, делал свою карьеру уже в Николаевске-на-Амуре или Хабаровске, как сын еще одного участника обороны Петропавловского порта – будущий окружной начальник Камчатки, о котором наш рассказ впереди.

Что же касается остальных, то у нас есть уникальная возможность попытаться связать родственные «концы», используя сохранившиеся в архивах Исповедальные росписи камчатских церквей за 1893 г., которые уже оказали многим тысячам камчадалов свою помощь в установлении законного родства и законного статуса коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока. Правда, разрыв во времени составляет около 40 лет, но в жизни Камчатки за этот период мало что поменялось – разве что на смену отцам и дедам пришли сыновья и внуки.

Конечно, некоторые фамилии бесследно исчезли (возможно, были одни дочери, возможно, какая другая была причина) – например, не нашли мы уже следов петропавловских мещан Лазаревых, потомков отставного унтер-офицера Николая Грехова, отставного матроса Максима Тихонова.

Сметанины. Потомки матроса Лаврентия Сметанина, участника многочисленных камчатских морских экспедиций, в 1893 г. жили вокруг Петропавловска – отставной матрос Василий Петрович Сметанин проживал на Хуторе, а дети петропавловского мещанина Михаила Сметанина жили одной большой семьей в «городе» – Кузьма, Петр и Иннокентий. Участие в обороне Камчатки в годы Русско-японской войны 1904–1905 г. принимал Амвросий Кузьмич Сметанин.

Бушуевы. Помимо Михаила, награжденного бронзовой медалью на Георгиевской ленте, в список ветеранов обороны Петропавловского порта в начале XX в. был внесен Полуевкт Иванович Бушуев, который «под огнем неприятеля снабжал батареи провизией и разными товарами».

Сахаровы. Следующим в списке награжденных назван купеческий сын Иван Сахаров. Нигде в документе не упоминается, что награжден он посмертно, хотя некоторые источники сообщают о нем, как о погибшем. Сахаровы прижились «на выселках», в сел. Халактырка – мещане Александр и Егор Михайловичи и Григорий Алексеевич.

Ивановы. Фамилия довольно распространенная и в Петропавловске 1893 г., хотя родовые корни могут быть и едиными – в основном это Яковлевичи и многочисленные Ивановичи, петропавловские мещане. Именно им в составе Петропавловской дружины выпала честь защищать полуостров от японцев: среди ополченцев были Иван, Николай, Михаил и Яков Ивановы.

Гарднеры. Судя по возрасту, отчество Петра Гарднера было Осипович (Иосифович), так как он вел свой род от Иосифа Гарднера, англичанина, поступившего на русскую службу примерно в 1836 г. В 1893 г. в Петропавловске проживало несколько семей этого рода. В обороне Камчатки от японцев принял участие Иннокентий Гарднер (в составе отряда из с. Малка, где проживала их родня – Абакумовы).

Коршуновы. Николаю Коршунову, петропавловскому мещанину, отмеченному боевой наградой, было 63 года. Это был самый старший из добровольцев-«охотников». Поэтому было бы очень сложно искать по росписям 1893 г., основываясь на отчествах, его прямых потомков. Но можно смело предположить, что именно Николай Коршунов и был родоначальником этой камчатской династии, которая и по сей день является частью живой истории нашего полуострова. В Петропавловске в 1893 г. проживали под одной крышей Филарет Прокопьевич Коршунов и братья Николай, Михаил, Прокопий, Иван Михайловичи Коршуновы. И они не уронили чести деда (или прадеда) – в составе отряда народного ополчения из села Верхнекамчатск участие в обороне Камчатки в 1904–1905 г. приняли Михаил и Алек. (Алексей, Александр?) Коршуновы.

Ворошиловы. Отмечены наградами были, вероятно, два брата – Алексей и Осип (Иосиф), которым в 1855 г. было, соответственно, 43 и 46 лет. В таком случае версия семьи Ворошиловых о том, что родоначальником их камчатской династии является Павел Ворошилов, может быть скорректирована – в свою очередь многодетный Павел Ворошилов мог быть как Павлом Алексеевичем, так и Павлом Иосифовичем (Осиповичем). Но это не изменяет сути – повсеместно, где поселились представители рода Ворошиловых, они выступали на защиту русской земли, и в 1904 г. вступили в народное ополчение Павел Афанасьевич Ворошилов (с. Хутор), Николай Александрович Ворошилов (с. Большерецк), Константин Иосифович и его сын Мартимьян Константинович Ворошиловы (с. Крутогородо), Македон Александрович Ворошилов (с. Большерецк), Иван Михайлович Ворошилов (с. Мильково), Иван Николаевич и Алексей Ворошиловы (г. Петропавловск).

Толман. Как и Гарднер, Вильям (Василий) Толман был иностранцем на русской службе, но потомки Вильяма до сих пор верно несут эту службу России. И Николай Васильевич Толман, участник обороны Петропавловского порта, не единственный тому пример: в составе Ичинской дружины противостоял японской экспансии Михаил Иванович Толман, а в составе Тигильской дружины – Петр Степанович Толман.

Косыгины. Николай Косыгин, награжденный бронзовой медалью на Георгиевской ленте за боевые заслуги, тоже, как и Коршунов, был уже не молод и действительно был родоначальником династии петропавловских мещан Косыгиных, которые потом осели в самых разных уголках Камчатки – с севера на юг и с востока на запад. Его сын, Петр Николаевич, в начале XX в. также был внесен в число ветеранов обороны Петропавловского порта: «охранял собор и церковное имущество, под огнем неприятеля снабжал сражающихся разными припасами».

В числе тех патриотов России, которые отозвались на призыв вступить в народное ополчение, чтобы отразить японцев, был Иван Николаевич Косыгин, который записался в Петропавловскую дружину.

Белокопытовы. Корпуса морской артиллерии кондуктор 2-го класса Петр Белокопытов также отличился при обороне Петропавловского порта: «...в то время как неприятельская бомба, упав вблизи порохового погреба, готова была разорваться, отважно схватил бомбу в руки и бросил ее в ров, где и последовал взрыв. Сей смелый и доблестный поступок Белокопытова отвратил многие несчастья, могший произойти от взрыва порохового погреба». Но в нашем списке отставной унтер-офицер Иван Белокопытов, который вместе с войсками не покинул порт, чтобы избежать второго, теперь уже, безусловно, проигрышного, боя с англо-французской эскадрой, а остался жить на этой, взрастившей его, земле. И, вероятно, его потомок, Федор Николаевич Белокопытов (петропавловский мещанин) за боевые действия против японцев в 1904–1905 гг. был награжден серебряной медалью.

Хохловы. Николай Хохлов был ополченцем и состоял в Петропавловской дружине.

Скребыкины. Судя по информации, имеющейся в нашем распоряжении, камчатский казачий род Скребыкиных угас – и отставной унтер-офицер Василий Скребыкин, отличившийся при обороне Петропавловского порта, возможно, был одним из последних носителей этой фамилии.

Петровы. Вполне вероятно, что такая же судьба была и у этой петропавловской фамилии, связанной с участником Петропавловской обороны, отставным унтер-офицером Андреем Петровым. Но если, как подсказывают документы, петропавловские Петровы имеют нижнекамчатские корни, то «порох в пороховнице» еще оставался, и в период Русско-японской войны в составе Усть-Камчатской дружины на защиту Отечества вызвался идти Петр Петров из Нижнекамчатска.

Матвеевы. Это тоже, по всей видимости, «последний из могикан» камчатского рода Матвеевых, первое известие о которых напрямую связано с Харчинским бунтом.

Юшины. Это потомственные казаки, которые привыкли служить там и в том качестве, которые определил Родина. Поэтому не случайно Семен Юшин, отличившийся при обороне Петропавловского порта, был отставным матросом. В числе ветеранов Крымской войны был и казачий

пятидесятник Михаил Иванович Юшин. Юшины проявили героизм и в период схватки с японцами. Павел Иосифович Юшин, помощник командира Тигильской дружины, был награжден Георгиевским крестом, а казак Моисей Юшин. Участие в обороне Камчатки принимали казаки Дмитрий, Ксенофонт Юшины, кантонисты Ивли и Николай.

Мутовины. Отставной матрос Иван Мутовин – это, по всей видимости, Иван Гаврилович Мутовин, брат Василия Гавриловича, которые числились оба матросами 47-го флотского экипажа и принимали участие в обороне Петропавловска. Мутовины были уроженцами Камчатки, из казачьих детей. А служили, как и Юшин и другие отставные матросы, представленные в наградном списке, по морскому ведомству. Участие в Русско-японской войне принял Иван (по другой версии – Еввод) Мутовин. Но наивысшее воинское звание этой камчатской фамилии, как ни странно, произошло в мирное время – в 2008 г. «за мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники присвоено звание Героя Российской Федерации» Олегу Евгеньевичу Мутовину.

Черных. Вполне вероятно, что потомки отставного матроса Павла Черных, отмеченного наградой за боевые заслуги в период обороны Петропавловского порта, начинают новую, отличную от традиционно казачьей и традиционно священнослужительской, теперь уже мещанскую традицию этой династии. Но в период Русско-японской войны все это перемешалось. В народное ополчение (Петропавловскую дружину) вступили мещане Иван Васильевич и Александр Черных. Казак Алексей Черных принимал участие в захвате командира японского десанта Сечи Гундзи. Казак Степан Черных принимал участие в захвате японской шхуны в устье р. Озерной в июне 1905 г. В дружине из Сероглазки врагов отражали казаки Петр и Николай Черных.

Горбуновы. У нас мало информации о потомках отставного матроса Семена Горбунова, но, как говорится, мал золотник, да дорог: Николай Горбунов, потомственный матрос, награжден Георгиевским крестом за боевые действия против японцев. «Был старшим в экспедиции, отправленной для охраны восточного побережья Камчатки от Петропавловского маяка до р. Жупановой, разбил японских хищников и уничтожил их шхуны».

Дехтеревы. Они не были военными – это были мирные камчадалы, прежде курилы (айну), проживавшие сначала в сел. Явино, а потом переселенные в 1841 г. сначала в с. Начики, а затем – в с. Коряки. Камчадал Петр Дехтерев, отмеченный наградой за боевые заслуги по обороне Петропавловского порта, был уже из Коряк. Но его «родник» – Иван Дехтерев из Явино (а может, это был Василий Дехтерев, получивший одиннадцать ножевых ран во время стычки с японскими «хищниками» в 1905 г. на р. Опале) был награжден высшей воинской наградой тех лет – Георгиевским крестом.

Уваровские. Первоначально это тоже жители западного побережья Камчатки, которые были переселены в Начики и Коряки, где не хватало людей для исправления «каюрной гоньбы», то есть обеспечения транспортного сообщения между административными центрами Камчатки. Переселение это происходило регулярно, и мы не застаем в Коряках 1893 г. никаких сведений как об Уваровских из с. Коряки, так и о Пермьяковых из с. Начики. Но знаем, что староста с. Начики Дмитрий Кузьмич Уваровский был награжден по итогам Русско-японской кампании на Камчатке серебряной медалью на Станиславской ленте «За усердие по формированию дружин и охране берегов».

Среди его земляков, участников народного ополчения, были:

братья Егор и Христофор Михайловичи Уваровские (Морошечная дружина), с. Ича;

Захар и Николай Уваровские (Большерецкая дружина), с. Апача;

Петр Уваровский (откуда он, мы пока не знаем).

Волковы. И этой фамилии в Коряках не сохранилось. Но, тем не менее, боевые заслуги Ивана Волкова, участника боевых действий в период обороны Петропавловского порта, подтвердили и другие его «родники»:

Староста с. Сопочное Василий Волков принимал активное участие в отражении японцев на рр. Иче и Колпаковой 8 июня и 27 июля 1904 г.

Федор и Захар Волковы, уроженцы с. Малка в составе ополченцев Облуковинской дружина охраняли этот участок побережья.

А другой их «родник» – Петр Волков из с. Колпаково действовал против японцев в составе сводной Большерецкой дружины на юго-западе полуострова.

Мерлины. Когда и почему появились Мерлины в с. Начики, откуда прибыл в числе «охотников» для участия в боевых действиях, где и проявил себя как герой Василий Мерлин, мне неизвестно. Как и то, когда и почему они из этого селения были куда-то снова переселены. По данным 1893 г., камчадалы Мерлины проживали в сел. Машура, Голыгино, Шаромы, Щапино, Кирганик, Малка. То, что все они относились к единой камчатской семье породненных народов, несомненно.

Поэтому и участие в событиях 1904–1905 гг. на Камчатке приняли практически все, кто мог носить в это время оружие, – Алексей, Егор, Павел, Иван и Николай Мерлины из с. Голыгино, а также Василий Мерлин из с. Шапино и Гурий Мерлин из с. Кирганики.

Гуторовы. Потомков начикинского камчадала Прокопия Гуторова, участника сражения, мы также не смогли отыскать по данным Исповедальной росписи 1893 г. В Ганалах жил Фотий Афанасьевич Гуторов, а в Коряках – вдова Ульяна Моисеевна Гуторова. Скорее всего, и этот фамильный род иссяк к началу XX в.

Табарины. И этот династический родник, по всей видимости, тоже иссяк. Если потомков начикинского камчадала, участника боев и кавалера боевой награды, переселили в с. Коряки, то и там мы находим в 1893 г. только последний след угасающей камчатской фамилии – бездетного 62-летнего старика Ивана Никитича Табарина.

Вторая часть списка награжденных касается лиц, «не участвовавших в сражении, но находящихся в окрестностях Петропавловского порта в блокадном положении». Это жители сел Авача и Старый острог. Этот список интересен для нас еще и тем, что сообщает о главных исторических (и династических) фигурах этих сел в период существования первой в истории Камчатской области. Мы знаем, что основателями Старого острога были Машихины, и эта династия в буквальном смысле процветала на перепутье местных дорог. Но вот появление в Старом остроге братьев Бурнашевых – Романа и Александра – для меня целое открытие. Дело в том, что в 1847 г. Иван Барнашев (Бурнашев) из Якутска обратился с просьбой к губернатору В. С. Завойко получить постоянное место жительства в с. Авача, но был направлен в с. Начики, где впоследствии и жили его потомки. Но, получается, какое-то время Бурнашевы (вероятно, Ивановичи) жили в Старом остроге. И, кстати, нужно отметить тот факт, что ни жители Старого острога, ни жители с. Авача не приняли участия в обороне Камчатки в Русско-японскую войну (по крайней мере, мне до сих пор не удалось найти ни одной фамилии жителей этих сел среди народных ополченцев). Причины, почему так случилось, я не знаю. А вот, что касается Бурнашевых, то в составе Большещерецкой дружины были два начикинских камчадала Бурнашевых – Федор Иванович и Григорий Александрович (сын Александра Ивановича Бурнашева из Старого острога, отмеченного правительственной наградой).

Хотя не без исключений. В числе награжденных в память о Крымской войне братья Гаврила и Иван Явловские из с. Авача. Как мы уже знаем, из авачинского гнезда многие его «птенцы» перепорхнули потом на более благодатные для сельского хозяйства земли – или в с. Николаевка, или на Паратунские ключи, или в сел. Озерновское близ оз. Дальнего. Хотя вполне возможно и другое – у этих братьев был еще один брат – Дмитрий Явловский (Ивойловский, Евойловский), у которого были сыновья Константин и Яков, жившие на Паратунских ключах. А в истории Русско-японской войны навсегда остался подвиг Егора Яковлевича Ивойловского. До войны он убил своего земляка и, чтобы искупить вину, добровольно пошел на разведку к японцам, расположившимся в устье р. Озерной, собрав данные, которые очень потом пригодились ополченцам.

Есть еще одна фамилия в списке представленных к памятной медали на Андреевской ленте из числа жителей с. Авача, которая встречается потом в списках ополченцев Петропавловской дружины 1904–1905 г. – Тюрюков. Мы встретились с многочисленными формами этой фамилии – Тюрсук, Тюрюков, Тюрюнов и нашли в списках ополченцев имя Константина Тюрсукова – но это имя петропавловского мещанина, участника обороны Камчатки.

И еще один любопытный факт, который своим исключением только подчеркивает некую закономерность неучастия староострожцев и авачинцев в ополчении.

Среди награжденных в память об обороне Петропавловского порта есть имя 46-летнего Егора Игнатъева. В наградном списке говорится о том, что он является, как и остальные авачинцы, крестьянином. То есть мы не можем спутать его с отставным баталером, тоже ветераном Крымской кампании Николаем Федоровичем Игнатъевым.

Для меня до сих пор еще не ясна история появления крестьян Игнатъевых в Большещерецке, но то, что авачинские и большещерецкие крестьяне Игнатъевы могли быть в родстве, вполне возможно (есть данные, что большещерецкие Игнатъевы появились в здешних местах в самом начале XIX в.). Крестьян (как и камчадалов – вспомните Дехтеревых или Бушуевых) свободно переселяли с одного места на другое в случае таковой надобности, принимая самое простое административное решение – и мы имеем массу примеров. Как и в данном случае – в 1893 г. старостой с. Явино, расположенного севернее р. Озерной, был 20-летний крестьянин Дмитрий Дмитриевич Игнатъев. Само с. Явино появилось после 1875 г., когда на Камчатку переселились жители северных Курильских островов – айну (курульские камчадалы), считающие себя русскими подданными, а может быть,

просто вытесненные с богатых рыбой островов переселенцами-японцами, которым были переданы Россией во владение Курильские острова в обмен на Южный Сахалин.

В 1904 г. с. Явино стало эпицентром японской военной агрессии. Под видом освобождения бывших жителей о-вов Шумшу и Парамушир – якобы подданных Японии, живших теперь в сс. Явино и Голыгино, в устье р. Озерной, вблизи с. Явино, был высажен японский военный десант из отставных унтер-офицеров, которые задолго до Русско-японской войны создали военную базу на островах, ставя перед собой задачу овладения Камчаткой, на территории которой с 1855 г. не было никаких воинских частей и соединений. Разведчик Ивойловский потом докладывал, что на берегу р. Озерной расположились 150 хорошо вооруженных десантников, имеющих с собой даже легкую пушку.

Попытка атаковать японский десант не увенчалась успехом. Тогда ополченцы хитростью выманили из вражеского стана командира японского отряда Сечи Гундзи и взяли его в плен. За этот подвиг явинский староста Дмитрий Дмитриевич Игнатъев был удостоен высшей воинской награды – Георгиевского креста IV степени.

Третий список камчадалов самый большой: «По вызову, посланному по распоряжению Г. бывшего Камчатского Военного Губернатора Контр-Адмирала Завойко, явились для защиты Петропавловского Порта в случае нападения неприятеля в 1855 г. и во время пребывания Англо-Французской Эскадры в Авачинской губе находились в окрестностях Порта готовые к отражению неприятеля, ежели бы он сделал попытку идти во внутрь страны, и помогали вывозкою казенного имущества».

Им не пришлось воевать. Воевать пришлось их внукам. В Русско-японскую. А потом и внукам их внуков – освобождая Курильские острова в августе 1945 г.

А поэтому мы не можем обойти молчанием имена героев этих войн.

Список открывают верхнекамчатцы. Верхнекамчатский острог – первая столица Камчатки, освоенная или завоеванная русскими казаками.

Но пришло время, и местное казачество было упразднено, а сами казаки переведены в крестьянское сословие, что ни коим образом, как выясняется, не сказалось на их боевом духе.

Среди ополченцев призыва 1855 г. было трое Машихиных (Василий, Порфирий, Егор), в 1904 г. под ружье встали Аггей и Федор.

Было двое ополченцев Зиминных (Николай и Порфирий) в Крымскую кампанию, стало трое в русско-японскую войну – Николай, Михаил и Парфентий.

Практически все основные старинные милюковские фамилии были представлены в списке награжденных памятные медали за оборону Петропавловского порта – Плотниковы (Иван, Антон, Николай), Потаповы (Григорий и Ларий), Бобряковы (Евстафий, Фотий и два Петра), Егор Мальцов, Никифор Михайлов, Глеб Кошкаров, Яков Подкорытов, Иван Еланцов, Сидор Борисов, Андрей Пинигин.

Прошло полвека – и словно ничего не поменялось, и к награждению памятные медали за участие в обороне Камчатки от японского агрессора были представлены следующие милюковчане:

Плотниковы – Поликарп, Григорий, Иван, Александр, Алексей, Павел, Евстигней, Андрей;

Потаповы – Полиевкт, Иллариий Феофанович (псаломщик) и Иннокентий;

Бобряковы (в документах Бобриковы) – Мартиан Петрович и Николай Федорович;

Мальцев Мартиан;

Подкорытов Дмитрий.

Крупный отряд ополченцев прибыл из Ключей – 19 человек, 8 из которых носили одну и ту же фамилию Ушаков (Иван, Егор, Андриан, Христофор, Федор, Аким, Сильвестр, Леонтий), а также двое Кречетовых (Иван да Илья), двое Штильниковых (Никифор и Януарий), двое Чудиновых (Николай и Иван), двое Рыковых (Герасим и Захар), Василий Юрьев, Андроник Голых, Евод Докучаев.

Через полвека ситуация изменится – фамилии ключевских крестьян из многодетных крепких семей появятся и в окрестных обезлюдивших селах, где эти крестьяне будут уже прописаны камчадалами и обязаны нести обязанности по «каюрной гоньбе» на новом месте.

И вот сколько одних только Ушаковых оказалось в списках народного ополчения в Русско-японскую войну: Александр, Василий, Дей, Иван, Иван П., Иннокентий, Николай, Павел, Петр, Петр Евг., Платон, Тарас, Трифон, Христофор, Яков, а кроме них еще Леонтий и Иван из ключевских «выселок» – с. Кресты.

Кречетовы выставлялись от Козыревска (Гавриил), Крестов (Григорий и Тимофей) и Ключей (Христофор). Рыковы – от Козыревска (Александр) и Крестов (Лукиан).

И «чисто» ключевские Степан и Иван Штильниковы. Двоюродные братья Александр и Иннокентий Юрьевы. Михаил Чудинов.

Более скромно был представлен Нижнекамчатск – некогда по статусу столичный город. Всего шесть фамилий: Греченин, Гусев, Тарабыкин, Никифоров, Помаскин, Петров. Это и можно понять – нижнекамчатский военный гарнизон в начале XIX в. был переведен в Петропавловский порт и вошел в состав Петропавловской экипажной роты, впоследствии превратившись (совсем ненадолго) в Камчатский (а с 1855 г. – Амурский) флотский экипаж, или растворился в других условиях – казачьем, крестьянском или мещанском.

Собственно, и эти шесть фамилий отражали целую эпоху – казак Тарабыкин (у Сгибнева Тарабукин) в 1768 г. заразил оспой население Камчатки, которая «произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека». Никифоров был потомком славного рода священнослужителей Камчатки. Помаскин и Петров были потомками казаков-мореходов, осваивавших Русскую Америку. Греченин и Гусев были потомками государственных крестьян.

В 1904–1905 гг. Платон Гаврилович Тарабыкин в составе Усть-Камчатской дружины защищает от японцев восточное побережье полуострова.

В одном отряде с ним были уроженцы Нижнекамчатска Петр Петров, Андриан Помаскин и земляки-устькамчатцы – казак Константин и кантонист Егор Помаскины.

Десять человек выдвинули в народное ополчение жители с. Малка – из них троих Абакумовых (Николай, Петр и Алексей), троих Волковых (Семен, Роман и Михайло), двоих Дурыниных (Петр и Иннокентий), Осипа Чегликова и Кира Пермякова. В соседнем с ними с. Ганальском вызывались «охотниками» – добровольцами трое крестников основателя Петропавловского порта Ивана Елагина – Иван, Андрей и Тимофей. Жители с. Коряки добавили еще двух Елагиных – Николая и Гаврилу. Щапинцы выставили в ополчение трех крестников Дмитрия Овцына, адъютанта другого отца-основателя Петропавловского порта – Витуса Беринга: Ивана, Николая, Андриана Овцыных.

Помимо Малок, были выдвинуты свои Пермяковы и от других сел – Феоктист и Константин (Шаромы) и Иван (Щапино).

Но через 50 лет картина по не известным мне причинам изменилась самым коренным образом: в ополчении 1904 г. в составе Облуковинской дружины был только один-единственный Андрей Елагин из сел. Пуцино, и я не знаю, сохранился ли на Камчатке сегодня хоть один носитель этой уникальной в истории полуострова фамилии.

О существовании камчадалов Овцыных я вообще узнал только из документа о награждении камчадалов памятными медалями за оборону Петропавловского порта – о них ни слова в моей книге «Тайны камчатских имен», так как ни до этих событий, ни после них я не нашел нигде никаких упоминаний об этой фамилии.

Что же касается малкинских героев, то они достойно проявили себя и в Русско-японскую войну, выставив опять же самых надежных – Абакумовых (Александр, Деомид, Яков), Волковых (Федор и Захар), Прокопия Дурынина.

Пермяковы, как и в 1855 г., влились в ополчение 1904 г. из разных камчатских сел: Арсений Герасимович Пермяков из Машуры, Василий Дмитриевич – из Кирганика и Николай Пермяков из сел. Малка.

В числе 250 ополченцев, прибывших по зову своего «старика», как с любовью называли губернатора Василия Степановича Завойко камчадалы, и 112 (имя Николая Елагина почему-то выпало из официальной нумерации) награжденных памятными медалями за участие в Крымской кампании 1853–1856 гг. на Андреевской ленте были представители камчатских родов, начиная с далекого с. Кичига (Варганов) на северо-востоке полуострова. Вся Центральная Камчатка выставила своих народных ополченцев – Еловка (Третьяков, Могилев, Коллегов), Харчино (Чабаев и Клочевы), Ушки (Жировиков, Ощепков, Варгановы), Козыревск (Метевский и Чуркины), Щапино, Машура (Мерлин, Красильников, Конев), Кирганик, Шаромы (Садовников, Панов, Каменской), Ганалы (Лукашевский, Шахурдин), Начики (Гуторов), Коряки (Дехтерев и Осьминины).

Мы уже говорили, что за период с 1855 по 1904 г. администрация Приморской области Приморского генерал-губернаторства, в которую Камчатка вошла как округ, перетасовала, как карты, местное население, смешав русских старожилов с камчадалами по прихоти времени и необходимости поддержания «каюрной гоньбы», то есть транспортной связи внутри полуострова. В принципе, на Камчатке, где за 200 лет русского владычества коренное и старожильское население породнилось, образовав единую семью камчатских народов, эти административные «игры» никого особо не волновали – все одинаково ощущали себя по образу жизни и традиционному укладу своей

хозяйственной деятельности одним народом – камчадалами. И когда камчадалов в очередной раз, уже при Советской власти, в 1926 г. официально назвали русскими, никаких социальных обид и национальных потрясений это не вызвало, так как коренное население южной Камчатки обрусело, а русское старожильское население – окамчадалилось. Все они строили русские избы, все они устанавливали камчадалские заборы на реках, чтобы обеспечить свой род рыбой, все они занимались охотой, чтобы одеть-обуть членов своей семьи. И не было между ними никакого принципиального различия, кроме разве что записи в дореволюционной Исповедальной росписи – камчадал, крестьянин, мещанин, казак, военный, священно- или церковнослужитель. А после революции все стали просто гражданами.

Что же касается камчатских героев Русско-японской войны, то центральная часть полуострова на этот раз была не единственным поставщиком народных ополченцев. Были сформированы Большерецкая дружина, Облуковинская, Тигильская, Паланская, Усть-Камчатская, Петропавловская.

Но так как речь в данном очерке идет именно о преемственности поколений, то мы выделим из этого большого состава именно тот пласт имен, который непосредственно связан с историей Петропавловской обороны. Тем более, что об участии камчадалов в Русско-японской войне в моей книге «Тайны камчатских имен» есть отдельный большой очерк – «Хроника неоконченной войны».

Еловку на этот раз представляли ополченцы из других династий.

Харчино – Семен Клочев, как и в 1855 г., – обычно первенца в семье называли в честь деда по отцовской линии.

Ушки – Степан и Егор Жировиковы, Илья Ощепков.

Козыревск – Петр и Иннокентий Чуркины.

Машура – Василий Красильников.

Шаромы – Василий Панов.

Ганалы – Егор Лукашевский.

Коряки. Необходимо особо отметить представителей рода Осьмининных, которые сыграли немалую роль в отражении японских «хищников» в Русско-японскую войну. Староста с. Коряки Филипп Павлович Осьминин был награжден серебряной медалью «За усердие и распорядительность по формированию дружин и охране берегов» (1).

Камчадал Иван Осьминин был награжден высшей воинской наградой тех лет – Георгиевским крестом. «Участвовал при отражении японцев против с. Явино 6 июня, на реке Апале 10 июля 1905 г. и вел себя мужественно» (2).

На этом наш список имен камчатских героев – дедов и внуков – исчерпан, но есть еще одна история, которая имеет самое непосредственное участие к минувшим событиям Петропавловской обороны и последующей истории Камчатки, о которой мы не можем не рассказать.

Не так давно я получил по электронной почте письмо: «Добрый день! Меня зовут Хомяков Константин Викторович. Я правнук Хомякова Петра Прокопьевича и внук Хомякова Павла Петровича. Вна-шей семье хранятся свидетельства о рождении и много фотографий семьи начала XX века. Но, к большому сожалению, о них знаю очень мало. Очень надеюсь, может, благодаря Вам кто-то из родственников напишет. Ведь сейчас очень ценны родственные отношения. Могу выслать сканкопии фотографий и свидетельство о рождении. С уважением, Хомяков К. В.»

Чуть позже Константин Викторович прислал это свидетельство, которое стало для меня откровением:

«Сим свидетельствуется, что в Метрической книге Камчатского Петропавловского собора за 1851 год, хранящемся в Ново-Архангельском духовном правлении, значится Камчатской Портовой Канцелярии у Бухгалтера 13 класса Прокопия Евстафьева Хомякова и законной его жены Ольги Ивановой, – родился сын Петр Тысяча восемьсот пятьдесят первого года Сентября двадцать второго числа, а Крещен Тринадцатого числа того же месяца и года Священником Георгием Ивановичем Логиновым и Дьячком Александром Логиновым. Восприемниками при крещении были: Корпуса Корабельных Инженеров Кондуктор Иосиф Евстафьев Хомяков и жена Коллежского Секретаря Ильинова – Елена Васильевна. В удостоверении чего и дано сие Свидетельство из Новоархангельского Духовного правления»

Мало кто при этом знает, что это свидетельство о рождении будущего исправника, а потом начальника Петропавловского округа Петра Прокопьевича Хомякова. То есть он родился накануне великих исторических событий – Петропавловской обороны, вошедшей в мировую историю, – в которой приняли непосредственное по долгу службы участие его отец – Прокопий Евстафьевич и его дядя – корпуса корабельных инженеров кондуктор Иосиф Евстафьевич Хомяковы.

А в моей книге «Тайны камчатских имен» есть такая запись: «Хомяков Павел Петрович. Родился в Петропавловске 24 августа 1888 г., сын петропавловского окружного начальника, надворного советника Петра Прокопьевича Хомякова. Восприемники: Вице-адмирал Тихоокеанской эскадры Павел Николаевич Назимов и жена купца Константина Павловича Русанова Александра Павловна» (3).

В каком году семья Хомяковых покинула Камчатку, пока неизвестно, но в Исповедальной росписи Петропавловского собора, где в свое время крестили Петра Прокопьевича, а затем и Павла Петровича, есть запись от 1893 г. о семье Хомяковых: «Хомяков Петр Прокопьевич, Начальник Петропавловского округа (42 года), надворный советник, жена – Екатерина Илиодоровна (32), дети – Антонида (10), Зинаида (7), Павел (4).

По разным данным, Петр Прокопьевич дважды возглавлял администрацию Петропавловского округа – в 1884 г., а затем с 1888 по 1893 гг. Последние данные наиболее точны – у нас есть документы о рождении Павла в 1888 г. и запись в Исповедальной росписи за 1893 г. Константин Викторович Хомяков позже прислал еще одно сообщение: «В Интернете мне попала статья “Вехи становления Хабаровской милиции” общественно-политической газеты “Тихоокеанская звезда” от 15.04.2010 г. Вот что там пишут о Хомякове Петре Прокопьевиче: Петр Прокопьевич Хомяков родился в 1851 г. в семье обер-офицера. Будучи в должности помощника Софийского окружного исправника, в мае 1880 г. командирован в г. Хабаровка для управления полицейской частью.

Постановлением военного губернатора Приморской области от 30 октября 1880 г. назначен на должность хабаровского полицмейстера. Кавалер орденов Св. Владимира IV ст., Св. Станислава II и III степеней, Св. Анны III степени». На сайте «Камчадалы. ру» <http://www.pacific.ru/cgi-bin/yabb24/YaBB.pl?num=1416896607> Хомяковы представили целый ряд старинных фотографий о членах этой, некогда камчатской, семьи, которая не забывает своих исторических корней.

И снова мы возвращаемся к событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. И не только потому, что этого требуют законы жанра, – если уж начал, то и закончи, но и потому, что сами исторические события ведут нас к этому финалу.

Напомним, что крестным отцом Павла Петровича Хомякова был вице-адмирал Тихоокеанского флота Павел Николаевич Назимов. Нет, Павел Николаевич не дожил до глобального русского позора, связанного с проигранной Японией войной и вызвавшей первую русскую революцию. Он умер 11 (24) декабря 1902 г. в Санкт-Петербурге в чине полного адмирала, при всех регалиях, в полном спокойствии о том, что дни земные он завершает со славой, которой можно позавидовать – его имя увековечено в географических названиях: бухта, губы и острова на Новой земле в Баренцевом море, бухта на о. Путятина, его имя носит маяк на о. Назимова в зал. Посыета и коса в бух. Рейд Паллада.

Во время Крымской войны П. Н. Назимов участвовал в обороне Кронштадта от нападения англо-французского флота.

Вообще, ему повезло участвовать во многих событиях, вошедших в мировую историю, для которой хватило бы, наверное, уже одного только этого факта: «В историю русского флота вошел поход корвета “Витязь” в 1870–1871 гг. под командованием капитана 2 ранга Назимова вокруг Южной Америки в Тихий океан, совершенный по просьбе ИРГО (Императорского Русского географического общества. – С. В.). На берег Новой Гвинеи был высажен Н. Н. Миклухо-Маклай. В книге М. С. Колесникова “Миклухо-Маклай” подробно описывается это путешествие. Вначале Назимов недоверчиво отнесся к своему пассажиру: “Мне приказано ради этого ненормального субъекта изменить маршрут корабля, тащиться бог знает куда – и вопреки здравому смыслу высаживать молодого человека, больного, истощенного и к тому же почти невооруженного, лишенного средств к существованию, на берег, населенный людоедами. Нет, господа, рассудок не хочет с этим мириться. Я не желал бы участвовать в подобном, преступном мероприятии...”. В свою очередь, Миклухо-Маклай писал друзьям: “Жизнь на военном судне и с такими субъектами, как Назимов, не особенно приятна, однако же, возможна”. Но жизнь все расставила на свои места. Эти выдающиеся люди по достоинству оценили друг друга. Назимов снабдил Миклухо-Маклая во время путешествия деньгами, помог ему в обустройстве на острове, обеспечил провизией и всем, что только было возможно и что было для него необходимо. Когда “Витязь” покинул Новую Гвинею, Миклухо-Маклай написал: “Прощайте, дорогие друзья, которых я успел полюбить и с которыми успел сродниться... Прощай, добрейший человек Павел Николаевич, честный и бескорыстный...”».

Но для нас важен другой исторический факт, который, собственно, и стал началом конца в русско-японском конфликте на Дальнем Востоке, завершившимся национальным позором. Посмотрим, что пишут об этом инциденте в Интернете.

19 февраля 1891 г. Павел Николаевич Назимов на крейсере «Адмирал Нахимов» в Сингапуре встретил цесаревича Николая Александровича, впоследствии императора Николая II, который, как известно, совершал в 1890–1891 гг. кругосветное путешествие с целью познакомиться с политическими системами других государств мира.

11 мая 1891 г. на цесаревича было совершено покушение: японский городской Цуда Сандзо внезапно бросился к Николаю и успел нанести ему два удара мечом. Николай спасся бегством, пока не подоспела помощь. Помня о том, что Япония – страна жесточайшего чинопочитания, выразим сомнение, которое выражали все наши соотечественники в дореволюционное время, что японский городской действовал по собственной воле и собственному желанию.

«Придя в себя, – как пишет Википедия, – цесаревич заявил: “Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие”. Согласно медицинскому заключению, подписанному фон Рамбахом, Вл. Поповым и М. Смирновым, в результате нападения у цесаревича от меча были две раны в правой волосяной части головы длиной 9 и 10 см, а также отщеплён кусочек кости».

«Через 20 минут после происшествия принц Арисугава в своей телеграмме заявил об ужасном характере раны, и в японском правительстве, сформированном Мацукатой Масаёси пятью днями ранее, поднялась паника: многие из его членов опасались, что покушение может привести к войне между двумя странами».

Цесаревич прервал свой визит и, отказавшись от посещения императорского дворца и встречи с императорской семьей, на крейсере «Адмирал Нахимов» отбыл в Россию.

«Требований о компенсации со стороны России предъявлено не было. Как указывает канадский историк Д. Схиммельпеннинк, инцидент в Оцу стал одним из клише, связанных с истоками русско-японской войны 1904–1905 годов (якобы ненависть Николая к японцам переросла в вооружённый конфликт), даже несмотря на то, что боевые действия были начаты японской, а не русской стороной». Логичнее предположить другое – японцы усвоили на долгие и долгие десятилетия, что Россия – это колосс на глиняных ногах, где к высшей политической элите относятся как к политическому мусору, регулярно его вычищая – то есть уничтожая физически даже собственных императоров».

«И хотя после инцидента в Оцу Николай в своём дневнике также писал, что “не сердится на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика”, по словам С. Ю. Витте, покушение вызвало в душе цесаревича отрицательное отношение к Японии: “Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой лёгкостью воспринимался императором, а поэтому император всегда относился к японцам презрительно”».

Финал этой истории также весьма показателен – японцы, для которых отношение к императорскому имени было всегда свято, судили злоумышленника, посягнувшего на представителя императорского русского дома весьма демократично: по приговору суда он получил пожизненное наказание, а не смертную казнь.

То есть Япония продемонстрировала во всей своей азиатской красе пренебрежительное и наплевательское отношение к российскому императорскому сану и российской короне.

А Россия проглотила эту пилюлю – «требований о компенсации с российской стороны не последовало». То есть и сама Россия, как государство, уронила себя в глазах японцев, «начав» на этот кровавый инцидент. С юмором отреагировал и народ, создав новое ругательство – «японский городской».

И потому на Россию японцы начали смотреть с тех пор совсем другими глазами. Презрительно. Свысока. Ненавидя ее за громадность. Готовясь нанести по ее голове новые и новые удары мечом.

То есть поступок Цуда Сандзо стал национальным примером для подражания – русских не страшно бить, убивать, уничтожать.

А Николаевское высокомерие – он откровенно называл японцев «макаками» – только разжигало этот огонь будущего национального позора России.

Чем все это закончилось – известно. И если бы не героизм коренного и старожильческого населения Камчатки, то и наш полуостров мог бы стать для Японии военным трофеем той войны.

Но, к счастью, враг на Камчатке был разбит...

Это была единственная победа России в той позорной войне. Впрочем, как и в проигранной Крымской кампании только Петропавловская оборона принесла России историческую победу.

Такова сила духа Камчатки и ее народа, которой мы должны по праву гордиться!

1. РГИА ДВ. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 129.

2. Там же. Д. 11.

3. ГАКК. Ф. 220. Оп. 1. Д. 10.

4. Вахрин С. И. Тайны камчатских имен. История камчатских фамилий. В 2-х т. Петропавловск-Камчатский, 2014.

5. Защитники Отечества (1854–1855). К 160-летию героической обороны Петропавловского порта от англо-французской эскадры в годы Крымской войны. Петропавловск-Камчатский, 2014. 112 с.

6. РГА ВМФ. Ф. 909. Оп. 3. Д. 335. Л. 335–346.

Т. С. Зайковская

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОВХОЗА

В краеведческих источниках содержатся очень краткие, отрывочные сведения о Петропавловском совхозе, на территории которого я живу. Иногда эти сведения противоречат друг другу. За постперестроечные годы совхоз на наших глазах превратился в развалины, заросли сорняком поля, разрушены здания животноводческой фермы. Да и сам совхоз как таковой уже не существует.

В исследовании я попыталась систематизировать и сложить в целостную картинку некоторые страницы истории Петропавловского совхоза, основанные на газетных информациях различного времени, на воспоминаниях современников.

Петропавловский совхоз берёт начало от совхоза «Камчатский пионер им. И. В. Сталина». Хотя, если быть точными, то первая сельскохозяйственная ферма была организована в 1910 г. у сопки Зеркальной (Зеркальце) на берегах Малой речки (руч. Фермерский, Совхозный, район нынешней ул. Кроноцкой). В 1929 г. на базе сельскохозяйственной фермы был организован совхоз «Камчатский пионер им. И. В. Сталина», в дальнейшем он был назван Ближним совхозом, а позднее переименован в Петропавловский совхоз. Сейчас его правопреемником считается сельскохозяйственный кооператив «Заозёрный» (3, с. 134).

Совхоз первоначально располагался в те годы в районе нынешней ул. Кроноцкой. Улица центральной усадьбы называлась Совхозной, за Совхозным ручьем были построены ул. Первомайская и Зеркальная. Единственное опубликованное воспоминание о том, как выглядела совхозная усадьба в годы создания, принадлежит Л. Богачёвой:

«Родилась я и выросла в Петропавловском (Ближнем) совхозе. Отец мой, Иван Васильевич Трегуб, приехал на Камчатку в 1931 г. по орнабору на строительство первого на Камчатке сельскохозяйственного предприятия – совхоза “Камчатский пионер им. Сталина”, как тогда назывался Петропавловский совхоз. В начале 1932-го он привез с материка свою семью: бабушку, маму и трех моих старших сестер. Я и младшая сестра родились уже в совхозе. Родители часто вспоминали о своих первых впечатлениях. С любопытством разглядывали они тогда незнакомые места. В совхозе – несколько домов, палатки и землянки для приезжих, а кругом – леса да высокие травы, вдали – конусообразные Корякская и Авачинская сопки. И вдруг среди дикой природы – удивительный совхозный сад, или, как его еще называли, «питомник», с тенистыми аллеями, ровными рядами белоствольных берез, нежной ольхи, пышных кустов акации. Великолепные цветочные клумбы согревали душу, а два десятка пчелиных ульев давали настоящий душистый мёд» (2, с. 6).

В том же 1932 г. в этом районе, выше 42-го барака, по воспоминаниям Л. Богачёвой (Там же, с. 24), была построена начальная школа, преемницей которой является школа № 41, ныне расположенная в пос. Дальнем.

О первых годах становления сельского хозяйства как о героических писал В. А. Алексеев: вручную корчевали леса, техники было очень мало, семенами Камчатка была также обделена. Но всё же ближе к военному времени сельское хозяйство начало давать урожаи картофеля, капусты, свеклы и моркови. Конечно, это были мизерные урожаи, население продолжало питаться сухими овощами, привозимыми с материка (1, с. 67). Только в начале 1930-х гг. в совхоз были завезены первые тракторы.

В 1935 г. власть уделяла совхозу повышенное внимание: «Весной текущего года Петропавловскому совхозу была оказана большая помощь со стороны обкома партии и облисполкома. Аппарат совхоза был укреплен ценными руководящими работниками, была осуществлена непосредственная помощь и руководство. Начальник АКО выделил для совхоза дополнительно автомашины, дал сильвинит, суперфосфат, туки. Благодаря всему этому недоделки, погрешности в подготовке к посевной были почти ликвидированы». Руководил совхозом в этот период некто Хонин, его обвиняли в том, что он не смог справиться с госзаданием. Автор газетной статьи Ребустов гневно писал: «Невыполнение заданий областного комитета партии, игнорирование директив Наркомпищепрома, беззащитное очковитительство и прорывы в выполнении производственных планов – все это должно привлечь, наконец, внимание дирекции Акционерного Камчатского общества и городской партийной организации» (7).

Жена директора совхоза А. М. Хонина рассказала читателям «Камчатской правды», как вместе с другими жёнами руководителей они благоустроивали быт работников совхоза: «Жёны хозяйственников Петропавловского совхоза АКО несколько времени тому назад дали обещание – сделать общежития рабочих совхоза культурными, уютными.

Для этого жены хозяйственников были распределены по общежитиям. Тов. Абрамову – жену замдиректора совхоза прикрепили к женскому общежитию, тов. Смелтыкович – жену специалиста – к общежитию в доме № 42, меня прикрепили к общежитию в доме № 40 и к общежитию инженерно-технических работников.

Сейчас все эти общежития резко изменились к лучшему. Произведена побелка, приобретена и красиво расставлена мебель, на дверях – портьеры, на окнах – занавески. От прежних барачных общежитий ничего не осталось.

У рабочих не хватало постельного белья, спали без простыней, подушки были без наволочек, не хватало полотенец, матрасов, носовой платок был редкостью у рабочего совхоза. А сейчас?.. Сшито 102 простыни, 138 наволочек, 20 матрасников, 100 полотенец, 200 носовых платков, выкроено 35 пар портянок. Для грязного белья, раньше валявшегося по всей комнате, сшито 20 мешков.

Все это сделано силами жён хозяйственников. Но мы были не одни. Жена парторга Полихатая, жена старого кадрового рабочего – Трегуб, Щукина Ксения, Селиванова Люба не меньше нас работали над приведением общежитий в порядок» (13) – так жены руководителей вносили свою лепту в благоустройство совхозной жизни.

В 1936 г. автор информации в «Камчатской правде» И. Тренев опять сурово обвинил директора в непрофессиональном подходе к руководству совхозом: «Тов. Хонину надо было переломать свое собственное упорство и копать картофель в совхозе не лопатами вручную, а плугами, что значительно ускорило бы уборку. Тем более, что лучшие примеры этого были налицо: 25 октября в бригаде тов. Сидорова уборка картофеля производилась не вручную, а плугами и дала прекрасные результаты.

В свое оправдание тов. Хонин ссылается на то, что при уборке под плуг в поле остается много картофеля, заваленного землей, и приходится проводить повторную уборку. Но надо понимать, что вслед за копкой картофеля обязательно боронование с подборкой, а также перепашка с повторной подборкой картофеля на всей убранной площадке – вот что написано в решении июньского пленума ЦК ВКП(б), тов. Хонин, вот что требуется при ручной копке картофеля». Как видим, механизации совхоза шла не просто: «Но остаётся непонятным, почему старший агроном совхоза т. Терещенко, зам. директора т. Абрамов и парторг т. Полихатый поддерживают директора совхоза, не борются за введение механизации. Также непонятно равнодушное, либеральное отношение ко всему тому, что происходит в совхозе со стороны земельных органов» (11).

Значительно более оптимистично о совхозных делах пишет «Камчатская правда» в августе 1937 г. в заметке, где рассказывается о богатом урожае клубники, собранном в совхозе в том году: «Петропавловский совхоз соберет в текущем году обильный урожай этой ягоды» и содержатся рекомендации по распространению этой культуры: «Областному земельному управлению, так же, как и районным земельным отделам, следовало бы организовать консультацию трудящихся, занимающихся разведением клубники» (10).

В 1937 г. совхозом руководил директор Кошуба, его работа также подвергалась постоянной критике. Так, в газете «Камчатская правда» А. Ар гневно вопрошает: «Когда же будет построен конный двор?»:

«В Петропавловском совхозе разговоры о строительстве конного двора идут с 1934 г., но дальше дело не движется».